

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

О Ч Е Р К И
П О И С Т О Р И И
Р У С С К О Г О
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1953

Академик И. Ю. КРАЧКОВСКИЙ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В ПИСЬМАХ П. Я. ПЕТРОВА
В. Г. БЕЛИНСКОМУ¹

Среди многочисленных крупных фигур нашего востоковедного прошлого Павел Яковлевич Петров (1814—1875) занимает особое место. Один из первых русских индианистов, востоковед с широким кругозором и редкой подготовкой, человек с поэтическим даром, друг молодости Белинского, он до сих пор не дождался монографии, подобной той, какая выпала на долю его петербургских товарищей П. С. Савельева и В. В. Григорьева. Между тем, литература о нем количественно очень велика, хотя и разбросана; сохранилось много отзывов его современников — товарищей и учеников, уцелела в Московском университете даже его личная библиотека.

Объясняется это, в известной мере, малочисленностью собственных печатных работ и отсутствием его научной школы.

Тем не менее, даже в арабистике, которая не являлась его прямой специальностью, он оставил значительный след. Ему по праву нашлось место и в биографическом словаре русских арабистов² и в общем очерке истории русской арабистики.

Недавний юбилей Белинского опять заставил вспомнить о П. Я. Петрове благодаря двум открытиям, которые оказались связанными с его именем. Они расцвечивают его характеристику новыми красочными деталями. О дружбе Белинского с Петровым было известно уже давно³. Едва поступив в университет,

¹ Статья написана И. Ю. Крачковским незадолго до его кончины специально для этого издания.

² От редакции: Рукопись биографического словаря русских арабистов, составленного Г. Гульбиным, хранится в «Арабском кабинете им. акад. И. Ю. Крачковского» при Институте востоковедения АН СССР.

³ В последнее время основные данные об этом привел М. Поляков (Белинский в Москве 1829—1839. «Московский рабочий», М., 1948, стр. 12—15). О роли Петрова и Белинского в кружке Станкевича см. также: Н. Л. Бродский. М. Ю. Лермонтов. Биография, т. I. М., 1945, стр. 269—271.

на первом курсе Белинский писал своим приятелям в Чембар 20 декабря 1829 г.¹: «Я подружился с П. Я. Петровым. Мы часто бываем вместе; судим о литературе, науках и других благородных предметах и всегда расстаемся с новыми идеями и новыми мыслями... Вот дружба, которую я могу по справедливости хвалиться... Что за человек! Какие познания! Он превосходно знает по-французски; может читать германских и итальянских писателей и отчасти говорить на их языках. Знает несколько по-английски², хорошо по-арабски и персидски. Пишет прекрасные стихи. В занятиях языками и науками неутомим, как Тредьяковский. Он еще хорошо знает по-латыни и порядочно по-гречески³. Жажда к познанию языков в нем удивительна: хочет учиться еще по-санскритски и турецки. Особенно любит восточные языки». Интересно при этом отзыве вспомнить, что Петрову в то время было только 15 лет, но он уже второй год учился в университете.

Глубину его литературных интересов и знаний в это время подтвердило открытие, сделанное пензенским литературоведом А. В. Храбровицким в дни юбилея. Выяснилось, что Белинский совместно с Петровым и еще одним студентом подготовили перевод романа итальянского революционера Уго Фосколо «Избранные письма Якова Ортиса», который был напечатан анонимно отдельной книжкой в 1831 г. и, таким образом, явился первым печатным произведением нашего будущего критика⁴. О степени участия в работе каждого из сотрудников судить трудно, однако показательно, что в упомянутом письме 1829 г. Белинский говорит о Петрове: «может читать германских и итальянских писателей и отчасти говорить на их языках». Из других источников известно, что Петров занимался у лектора итальянского языка в университете — Рубини; возможно, что Петрову принадлежала основная роль в переводе.

Благодаря юбилею Белинского стал известен впервые очень важный источник, ярко освещающий отношения двух друзей

¹ В. Г. Б е л и н с к и й. Письма. Редакция и примечания Е. А. Ляцкого, т. I. СПб., 1914, стр. 9.

² Впоследствии, будучи профессором Казанского университета, Петров в течение трех лет (1849—1852) состоял лектором английского языка. См. Н. П. З а г о с к и н. Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета (1804—1904), ч. I. Казань, 1904, стр. 251.

³ Хотя, как мы увидим в дальнейшем, в 1834 г. Петров говорит о своем незнании греческого языка.

⁴ См. «Литературная газета» от 9.VI 1948; журн. «Огонек», 1948, № 31, стр. 24.

в несколько более поздний период — с 1834 г., когда Петров уже как «член профессорского института» продолжал свое востоковедное учение в Петербурге под руководством известного Френа. Это — письма Петрова Белинскому, частично хранящиеся в Государственной ордена Ленина библиотеке им. В. И. Ленина в Москве и изданные в 1948 г. под редакцией проф. Н. Л. Бродского¹.

Всего сохранилось одиннадцать писем, причем девять относятся к первому периоду пребывания Петрова в Петербурге в 1834—1835 гг., одно помечено 27 января 1838 г. и одно написано уже из Москвы 12 декабря 1841 г., перед отъездом Петрова профессором в Казань. (В это время Белинский жил в Петербурге, а Петров — после двухлетнего пребывания за границей — в Москве). Нет никаких оснований предполагать, что на этом переписка и кончилась или что она после 1835 г. шла с такими перерывами. Наоборот, и тон писем и ряд отдельных имеющихся в них намеков определенно говорят, что переписка, начатая в 1834 г., сохранилась далеко не полностью. При печальной судьбе архива Белинского, после его смерти рассыпавшегося по разным рукам и дошедшего до нас с большими потерями², в этом нет ничего удивительного.

Тем более для нас ценны первые впечатления Петрова в новой востоковедной среде, о которой он систематически сообщает своему другу с такими подробностями, что и Белинского можно было бы считать за востоковеда. Мы знаем, что Петров был зачислен в состав профессорских стипендиатов по инициативе Френа и последний все время оставался как бы его руководителем. Роль эта выступает очень отчетливо, и фигура рисуется в тех благородных тонах, к которым нас приучили и другие известные отзывы русских современников Френа. Уже в первом письме от 9 мая 1834 г. появляется его характеристика (стр. 223): «Ну, вот тебе мой происхождения; слушай. Я держал и выдержал экзамен в арабском и персидском у Френа и Шармуа³, в санскритском у академика Шмидта⁴. Теперь я принят и

¹ «В. Г. Белинский и его корреспонденты». Под ред. проф. Н. Л. Бродского. М., 1948, стр. 223—251. Государственная ордена Ленина Библиотека СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей. Отдельные выдержки из писем приведены в упомянутой работе М. Полякова «Белинский в Москве».

² См. замечание Н. Л. Бродского в работе: «В. Г. Белинский и его корреспонденты», стр. 4.

³ Ф. Ф. Шармуа (1793—1869) — профессор персидского языка в университете и Учебном отделении Института восточных языков Министерства иностранных дел, адъюнкт Академии Наук.

⁴ Академик Я. И. Шмидт (1779—1847) — известный монголист.

нахожусь под особенным попечением Френа. Представь себе старика¹ с серебряными волосами, правильной физиономией, голубыми глазами, прибавь к этому ласковость и простоту в обращении, и ты будешь иметь портрет его... Френ и Адслунг² доставили мне множество книг и всеми силами одобряют меня. Признаюсь здешними учеными я не могу довольно нахвалиться».

Аналогичный отзыв повторяется через месяц, 4 июня (стр. 225): «Я совершенно доволен своей службой — Френ и Шармуа люди истинно неопененные». Еще через месяц, во время вакаций в университете и Институте восточных языков Министерства иностранных дел, где Петров слушал лекции³, продолжая усиленные занятия санскритом, он сообщает 12 июля (стр. 230): «Френ на даче и не будет до сентября».

От него, очевидно, зависело то, что мы теперь называем учебным планом: вот почему 22 августа Петров пишет (стр. 237): «Вместо турецкого хочу просить Френа позволить мне заниматься греческим, в котором, как тебе известно, мы еще ни бельмеса. Это будет и приятнее и приличнее званию, к которому я себя определяю (Вам-де, В. Г., известно, что мы будем некогда профессорами — прошу пониже кланяться...). Ну, а впрочем, еще долга песня.— Лет 5—6 пробьешься над каракулями». Мысль о греческом языке в это время, очевидно, сильно его занимает: еще до этого, 12 августа он восклицает (стр. 233): «Чорт возьми, надобно учиться по-гречески — непременно скоро примусь». В дальнейшем все же увидим, что турецкий, по тем или иным соображениям, не отменяется.

Вообще, удивительная «жажда к познанию языков», о которой за пять лет до этого писал Белинский, продолжает владеть Петровым и в Петербурге: в первом же письме от 9 мая он пишет (стр. 224): «Ну, скажу тебе еще новость: я учусь — впрочем только раз в неделю за недостатком времени, по-чухонски...».

Во время вакаций он занимается славянским: «при всех моих недосугах», пишет он 22 сентября (стр. 239) и, вспоминая исследования Белинского «касательно русской грамматики», укоряет его за то, что он «из-за пустого журнала бросил

¹ Х. Д. Френу (1782—1851) в это время было 52 года.

² Ф. П. Адслунг (1768—1843) — директор Учебного отделения Института восточных языков Министерства иностранных дел, лингвист и историк.

³ Вероятно, Петрову обязана появлением в «Молве» (1835, № 10, стр. 153—156) анонимная заметка «Институт восточных языков в С.-Петербурге», упоминающая про занятия там его петербургских товарищей Григорьева и Савельева.

отечественный язык. Сие заметить и впредь не делать». Он внимательно следит за работами своего московского учителя А. В. Болдырева о спряжении русских глаголов, которые «надобно непременно прочесть» (стр. 227), и приветствует в дружески шуточных тонах выход грамматики Белинского значительно позже — в 1838 г. (стр. 245).

Вопросы общей грамматики влекут его и в сторону китайского. В ответе Белинскому, который, повидимому, писал о переводе известной книжки Сильвестра де Саси «Принципы общей грамматики», очень популярной в те времена в московских университетских кругах¹, он, между прочим, замечал в письме 12 июля 1834 г. (стр. 228): «Не хочу тебе ничего писать об этом: боюсь наврать, хотя и сделал некоторые исследования; дай всему созреть, а пуще всего дай мне поучиться всем грамматикам мира, а преимущественно китайской, которая поставит втупик любого автора какой-нибудь *Grammaire générale*. Там нет ни склонений, ни спряжений, ни наречий, ни предлогов, ни даже азбуки». Френ, с которым он систематически делится своими планами, относится к широким намерениям Петрова сдержанно. Последний пишет Белинскому 6 октября 1834 г. (стр. 241): «По-китайски мне Френ учиться не советует, говоря, что я потеряю над ним много времени. Он прав, но меня сильно пробирает охота и я думаю начать его с отцом Иакинфом»².

В противоположность таким широким планам, Френ направляет его внимание на более специальные темы. В письме от 22 сентября Петров сообщает (стр. 239—240): «Френ задал мне работу, впрочем, довольно пустяшную. Я должен в продолжение моего курса отмечать все восточные слова, находямые мною в русском языке». Петров довольно подробно рассказывает Белинскому, как он думает «сам предпринять труд... и при помощи теперешних моих познаний в арабском, персидском, санскритском и турецком исполнить хоть в половину свое дело». Впоследствии его мысли нашли отражение в статье, опубликованной Академией Наук³.

¹ Известный впоследствии литературовед Ф. И. Буслаев (1818—1897) пишет в своих воспоминаниях, что в 1837 г., по предложению профессора Давыдова, он перевел эту книгу на русский язык, с дополнениями.

² Имеется в виду известный Китаист архимандрит Иакинф Бичурин (1774—1853).

³ «Список некоторых великорусских слов, средних или сходных с восточными». «Изв. Академии Наук по Отделению русского языка», т. I, СПб., 1852, прибавл. тетр. I, столб. 81—92. Упоминание о ней отсутствует в посвященной Петрову статье К. Г. Залемана, см. «Русский биографический словарь» (Павел-Петр Илсика), СПб., 1902, стр. 694—696.

Уже в первые годы пребывания в Петербурге он мечтает о дальнейшей стадии научной подготовки по санскриту — поездке за границу. В первом письме от 9 мая он пишет (стр. 223): «Я не боюсь теперь достигнуть вернее цели своей и быть отправленным в Лондон — если успех увенчает мои старания». Эти его планы тоже обсуждались с Френем, окончательно убедившимся в талантах московского питомца.

6 октября Петров обстоятельно сообщает Белинскому (стр. 241): «Френ, узнавши об моих успехах в семитических языках и в санскритском, обещал мне постараться об отправлении моем в Париж. Ты удивляешься, почему не в Лондон? На это есть многие причины. Во-первых, трудность пользоваться рукописями ост-индской библиотеки, на которую жестоко жалуются Ленц¹; во-вторых, недостаток профессоров и вообще людей, знающих санскритский язык в Англии, — с некоторых пор им и вовсе перестали заниматься. Французы же гораздо ревностнее теперь трудятся на этом поприще, да и Библиотека королевская гораздо доступнее для учащихся, нежели в Англии. Всего бы лучше и приятнее для меня было отправиться в Париж через Берлин, в котором я прожил бы с полгода для посещений лекций профессора Боппа, известного знатока своего дела, который приготовил бы меня к чтению рукописей королевской Библиотеки».

Как мы знаем, мечтам этим через четыре года суждено было воплотиться в действительность. Петров в 1838—1840 гг. побывал не только в Париже, но и в Лондоне, а в Берлине занимался и у Боппа (1791—1867). Бывший тогда в зените своей известности основатель сравнительной грамматики индоевропейских языков при первой же встрече признал преимущество в знаниях санскрита за начинающим русским ученым.

Наряду с Френем, вторым крупным талантом, с которым Петров сразу должен был войти в общение, прежде всего, на почве арабистики, естественно оказался О. И. Сенковский, имя которого, как барона Брамбеуса, в эти годы гремело по всей России; журналистика постепенно отвлекала его от науки. Показательно, что, отдавая всю дань уважения его ученым знаниям, как и другие слушатели этого замечательного ориенталиста, Петров ни в какой степени не мог сравнить его с Фре-

¹ Р. Х. Ленц (1808—1836), адъюнкт Академии Наук, первый профессор-санскритист в России, в 1833—1835 гг. находился в заграничной командировке. См. «Русский биографический словарь» (Лабзина — Лященко). СПб., 1914, стр. 190—191.

ном по моральному облику¹. Упоминание о знакомстве с ним уже в первом письме идет вслед за Френом, но в достаточно сухой форме (стр. 223): «Был и у Брамбеуса. Бог его знает, как об нем судить, впрочем, он оказал мне важную услугу, дав мне на дом арабский словарь — так что я теперь спокойно могу заниматься у себя на квартире». В следующем письме, 4 июня (стр. 225), он пишет, что Сенковского начнет «слушать не прежде сентября», очевидно в связи с каникулами в университете, где он состоял тогда профессором по кафедре арабского и турецкого языков. Действительно, 22 сентября он сообщает обстоятельно, в повышенном настроении (стр. 238—239): «В среду был в первый раз на лекции у Сенковского — ну, что ни говори, — а я скажу, что любить этого человека невозможно. но также нельзя и не уважать его за его обширные сведения. Я воображал себе обыкновенного профессора, хорошо знающего свое дело, и собирался уже зевать в кулак, слушая его лекцию, и что же? Сухой предмет языкознания умел он облечь такую привлекательностью, что я невольно пожалел о краткости его лекции, продолжавшейся два часа. С каким искусством заставляет он нас вникнуть в дух языка, объясняемого из духа говорящего им народа, — как удовлетворительно объясняет, по видимому, совершенно не связанные между собою значения арабских форм, выводя их из первоначальных понятий кочевой жизни! — Да, ума необыкновенного у Сенковского отнять нельзя — и как не пожалеть после этого об его нравственности, которая погасила в нем его удивительные дарования. Проживши два года в Египте и Сирии, он приобрел прекрасный выговор, и я по прошествии года надеюсь, с его помощью, очень успеть в арабском языке, который до сих пор казался мне неприступным. Признаюсь, теперь я верю, что ящерицы

¹ От редакции: О. И. Сенковский (1800—1858) занимал в течение 25 лет кафедру арабской словесности в С.-Петербургском университете. В совершенстве владел арабским языком, знание которого вынес из путешествия по Сирии и Египту. Несмотря на обширные познания в области ориенталистики и преподавательский опыт, не создал ни капитальных трудов, ни школы. Много занимался журналистикой, сотрудничая в различных изданиях, в том числе в газете «Северная Пчела», публиковавшейся реакционером Булгариним. С 1834 г. редактировал «Библиотеку для чтения».

Сурово оценил литературную деятельность Сенковского Н. Г. Чернышевский: «Грустным, но поучительным примером может служить для русских писателей история литературной деятельности барона Брамбеуса (один из псевдонимов Сенковского): иметь столько дарований — и растратить их совершенно понапрасну без всякой пользы для литературы...». (Н. Г. Чернышевский. Избранные философские сочинения, т. I. Госполитиздат, 1950, стр. 458).

прятались, когда он произносил гортанные буквы арабские (это он сам рассказывал нам)¹; до сих пор я не имел об этом никакого понятия». Приблизительно через полгода, 24 февраля 1835 г., Петров еще раз подтверждает, что своими успехами в арабском обязан Сенковскому (стр. 243), но этим упоминания о нем исчерпываются.

В противоположность санскриту, арабский язык давался Петрову, повидимому, с большим трудом, хотя он приехал в Петербург, вероятно, с основательным знанием его как главного, наряду с персидским, предмета преподавания его московского учителя Болдырева. В июне он занимается арабским, как и персидским, по три раза в неделю (стр. 225), вероятно, в Институте Министерства иностранных дел, где тогда преподавал француз Деманж, товарищ Шармуа по занятиям у Сильвестра де Саси: в университете наступил уже перерыв. Впечатления, очевидно, были не слишком утешительные и при сообщении об этом Петров прибавляет: «Только признаюсь, брат, что за дьявольский язык арабский — боже упаси!». Все же успехами в нем он был доволен и, в ожидании занятий с Сенковским, самостоятельно читает Коран (стр. 225).

Через два месяца, 22 августа, Петров писал уже более оптимистично (стр. 237): «Занимаюсь также арабским, который проясняется в моем понятии». Однако для полной удовлетворенности, как мы видели, приходится ждать Сенковского, и в следующем сезоне подводится некоторый итог (24 февраля 1835 г., стр. 243): «Из арабского (которому никогда не имел надежды выучиться) понимаю «Тысячу одну ночь», а главное дело, что проник довольно хорошо дух языка, следовательно, стою на хорошем пути. Этим я обязан Сенковскому. Следующие три месяца посвящаю ему преимущественно, и тогда отдам тебе более подробный отчет в том, что знаю». Нам известно, что впоследствии, не считая себя специалистом в арабском языке и литературе, Петров дал несколько работ, которые превосходили уровень того времени.

Среди языков, которыми занимался Петров до переезда в Петербург, повидимому, наиболее успешно двигался персидский. Экзаменовал его при поступлении Шармуа, талантливый представитель французской школы Сильвестра де Саси, в противоположность своему товарищу Деманжу. Вероятно, у него

¹ Об этом Сенковский упоминает в своих автобиографических «Воспоминаниях о Сирии», в рассказе «Затмение солнца». См. О. И. Сенковский (барон Брамбеус). Собрание сочинений, т. I, СПб., 1858, стр. 192. Впервые этот рассказ был напечатан в «Библиотеке для чтения», 1834, т. V, стр. 27—41.

он занимается с самого начала,—как пишет Петров, в первых числах июня, три раза в неделю (стр. 225). Тогда же он сообщает (стр. 226) о своем намерении «недели через две» прислать «поэсть, или, лучше, басню персидскую: «Два голубя» (те же, которые у Крылова), это — перл персидской поэзии. Прочти ее». Наряду с представителем европейской учености, он имеет возможность познакомиться теперь со знатоком восточной традиции в лице Мирзы Джафара (Топчибашева), преподававшего в университете с 1819 по 1849 г.; он был поэтом и подлинным знатоком персидской мистики. «Мы переводим теперь,— пишет Петров все в том же письме (стр. 227),— одну рукопись, при взгляде на которую ты, верно, схватил бы в зубы палец удивления — до того она хитро написана. Это сочинение называется «Anwar Soheili», т. е. «Звезды созвездья Канопы», и признаюсь, я, переводя, более и более удивляюсь ее сочинителю. Когда же Мирза Джафар¹ объяснил мне мистический смысл некоторых од Хафиза, то я положил себе непременно перевести лучшие из них на русский стихами, что и исполню. Либо я обвосточился совершенно — либо они в самом деле чудо поэзии самой высокой, потому что по большей части восхваляют любовь к богу под разными аллегориями». Одна из упомянутых од — газелей Хафиза посылается в стихотворном переводе 22 августа (стр. 237—238): «Вот тебе недавно переведенная мною газель Хафиза. Дело идет о любви к богу, но таким образом, что стихи как будто бы относятся к предмету земному. Прочти ее — она даст тебе понятие о мистической поэзии язычества². Большая часть газелей написана в этом духе. Они имеют сходство с книгою Песнь Песней Соломона, которой выражения тоже почти всегда двусмысленны. Не знаешь, про что говорит поэт, про земную или про небесную красоту... Перевод близок,— но двусмысленность так хорошо сохранена, как в персидском». О ней он напоминает и в следующем письме, 22 сентября (стр. 239): «Как тебе нравится газель? О сем написать». Газель была опубликована в 1835 г., в журнале «Молва», выходящем как приложение к «Телескопу», и впоследствии перепечатана В. А. Эберманом в «Востоке»³. В последней

¹ В издании опечатка: Джафара.

² «Молва», 1835, № 24—26, стр. 387—389 (под инициалами П. П.). Сообщения о другом переводе Петрова в «Молве», зарегистрированном, как и этот, в библиографии С. Б. Карнеева (см. «Библиография Востока», вып. 10, № 34, 1936, стр. 102), основано на недоразумении. В № 31—34, стр. 116, помещен упомянутый далее перевод из «Книги советов» Н. Коноплева.

³ «Восток», 1923, кн. 3, стр. 113—114.

статье, между прочим, выяснено, что стихи Петрова¹ в «Молве» «являются первой попыткой ввести в русскую литературу арабо-персидскую форму газели, характерным признаком которой является чередование строк с одной проходящей через стихотворение рифмой с нерифмованными строками в порядке забавагада и т. д.»².

6 октября того же 1834 г. Петров пишет уже о собственных подражаниях (стр. 243): «Я пустился писать газели вроде Хафиза и даже дал себе персидское имя — Ашик, т. е. влюбленный, которое по правилам этого рода стихотворений должно всегда быть упоминаемо в последнем двустишии. Прислал бы тебе два или три такого рода писания, да ей богу лень переписывать. До другого раза».

Свои успехи в персидском он ставит на первое место среди трех языков мусульманского Востока; еще 22 сентября он пишет (стр. 239): «по-персидски я уже порядочно объясняюсь и начинаю понимать без помощи словаря». Во втором полугодии пребывания в Петербурге другу сообщается 24 февраля как бы отчет (стр. 243): «Теперь, верно, ты хочешь знать, что я делаю? Все то же, что и прежде — тружусь — с каждым днем все более и более и, разумеется, не без успехов. Тебе, как старинному приятелю моему, не красней, могу сказать, до чего я достиг в предметах своих занятий. Слушай: по-персидски говорю, пишу, однако ж часто ошибаюсь, понимаю, — нельзя сказать, чтоб все, — но по крайней мере буду понимать к вакансии». К сожалению, в своей дальнейшей деятельности Петров к персидской литературе обращался мало, и следы его работы отразились только в переводах и преподавании. Учениками его в персидском были, между прочим, Ф. Е. Корш (1843—1915) и В. Ф. Миллер (1846—1913).

С наименьшим успехом шли у Петрова занятия, повидимому, турецким языком, к которому, судя по письму Белинского, до 1829 г. в Москве он не приступал. Уже в июне 1834 г. он занимался им ежедневно, вероятно в институте, так как в университете начались каникулы (стр. 225, 229). Даже во время летнего перерыва Петров отказывается от поездки в Москву, «потому что много потеряю времени, которое намерен употребить на изучение турецкого», пишет он 16 июля (стр. 231). Мы уже видели, что одно время он хочет просить о замене турецкого — греческим (22 августа, стр. 237); однако это не осуществилось, и через месяц он сообщает (стр. 239): «К турецкому только что

¹ Инициалы не были раскрыты ни В. А. Эберманом, ни С. Б. Корнеевым.

² «Белинский и его корреспонденты», стр. 113.

приступил», имея в виду, вероятно, занятия у Сенковского или возобновление их в институте. Настроения меняются: 6 октября он констатирует, что занятия по-турецки продолжает теперь с успехом (стр. 241), но в конце февраля следующего года раздражается целой филиппикой (стр. 243—244): «С турецким лажу худо. Это проклятый язык: слов знаю гибель,— да и как не знать, когда они все персидские или арабские (я говорю про константинопольский книжный язык), а понимаю очень мало. Представь себе длинную, тысячеверстную дорогу, изрытую ухабами, и ты будешь иметь понятие о турецком исполинском периоде, пред которым греческие, латинские, даже немецкие периоды — ничтожные карлики.— Ну, да чорт с ним — авось через год буду знать». О том, что впоследствии не только турецкий, но и тюркские языки народов России остались не чужды Петрову, говорят, между прочим, те материалы, которые он сообщил для известной антологии Н. В. Берга «Песни разных народов»¹.

Уже при переезде в Петербург Петров был знаком и с некоторыми другими восточными языками. В примечании к одному из писем Белинскому по поводу форм русских глаголов, наряду с арабскими, он приводит один пример из древнееврейского (12 июля 1834 г., стр. 228); весьма вероятно, что сведения о нем он получил от своего главного наставника Болдырева. Как мы знаем, последний начал свою карьеру с перевода грамматики древнееврейского языка, а в первые годы преподавания в университете иногда вел систематические занятия по нему.

По-санскритски в 1829 г. Петров только хотел учиться, как выясняется из письма Белинского, однако в 1834 г. при зачислении в профессорский институт некоторыми знаниями обладал,— так как его экзаменовал известный монголист академик Я. И. Шмидт. Испытание было, повидимому, элементарным, и он сам пишет (стр. 223): «В санскритском меня экзаменовали не много — а именно, в чтении». Санскрит с этих пор стал в центре его занятий на всю жизнь. Кто был его первым учителем в Петербурге, определить трудно, так как официального преподавания этого языка тогда еще не существовало, и он частным образом, как пишет 4 июня (стр. 225), «для санскритского нашел себе учителя, одного немца, учившегося в Германии. Недавно он показывал мне рукопись всю пропахнувшую мосхусом — суди сам, как этот запах оживил мое восточное сердце». Через

¹ Ук. соч., М., 1854, стр. 229. Упоминаются татарская и башкирская песни.

некоторое время Петров даже поселяется со своим учителем на одной квартире, сообщая об этом 22 сентября (стр. 240): «Теперь буду стоять вместе с тем самым немцем, который учит меня по-санскритски. Мы друг другу полезны.— Я ему как переводчик (он не знает ни слова по-русски) и учитель персидского языка, а он мне как знаток санскритского, латинского и греческого». О талантах своего учителя Петров тем не менее не слишком высокого мнения и тут же добавляет: «Да, кстати об этом немце. Он доктор философии Геттингенского университета, но это не мешает ему быть тружеником в полном смысле слова. Он превосходен, когда дело идет о передаче своих познаний другому, но кажется, что от него, кроме хрестоматии и сравнительных изучений рукописей, ничего не дождешься». Петров быстро начинает догонять своего учителя и уже 12 июля пишет (стр. 229): «Ты знаешь, что у нас теперь вакации. Я занимался до сих пор начиная с 25 июня¹ исключительно санскритским языком и вижу теперь, что выучиться ему для русского — вздор. Немец, который меня учит,— дивится; ему он давался с большим трудом, да и к тому же видно, что он в нем не слишком горазд, и поэтому я больше возлагаю надежду на себя, да на рукописи Академии».

Об этих рукописях он усиленно мечтает с самого начала в обычном стиле того времени в несколько приподнятом тоне (4 июня, стр. 227): «Здесь в Азиатском музее находится 80 санскритских рукописей, до которых мы со временем доберемся. Все они пахнут мосхусом, как благоуханные кудри восточных похитительниц сердца».

Эти мечты скоро сбылись: уже в 1836 г. Петровым была опубликована статья: «Прибавление к каталогу санскритских рукописей, находящихся в Азиатском музее и С.-Петербургской Академии Наук»².

Успехи в санскрите окрыляют его все время. Посылая Белинскому свой первый опыт стихотворного перевода из Махабхараты, вскоре напечатанный им в «Телескопе», он пишет 12 августа (стр. 231): «Вот тебе, Виська, обещанная I-ая песнь Налы. Прочти ее, а я между тем приготовлю другую. Только боже тебя сохрани печатать или показывать кому-либо, кроме моих домашних. Пока не буду знать хорошо по-санскритски, до тех пор строки не напечатаю... Ну, друг, о чем мне сперва потолковать с тобой? Ну да хоть о санскритском. Чудный язык! Дивлюсь и его строению, и обширной литературе, и лег-

¹ В издании — июля, но этому противоречит дата письма. — *И. К.*

² См. «Русский биографический словарь». СПб., 1896—1918 (Павл.-Петр. Илейка), стр. 695.

кости, и вместе трудности его изучения. В шесть недель я достиг до того, что нахожу иногда целые стихи для меня понятные». Через десять дней, 22 августа, он опять добавляет (стр. 237): «В санскритском очень — очень успел... Вчера начал перелгать на российские стихи вторую книгу Налы — не знаю, скоро ли кончу, теперь много дела, может быть случится заняться ею не больше, как с час в неделю. Всего перевели мы из оной вышереченной поэмы 9 песен. — Это знатно». По временам бывают, конечно, и некоторые разочарования. Через месяц, 22 сентября, Петров горюет (стр. 239): «Санскритский шел до сих пор хорошо, но Урвазия, драма, изданная Ленцем¹, опять сбила меня с толку. Тебе известно, что по законам индусской драматургии всякое действующее лицо говорит свойственным его касте наречием, и вот камень преткновения, на который мне пришлось споткнуться. В Урвазии все женщины и крестьяне говорят по-пракритски — наречие, которое Шези² называет прелестным (испорченный язык); оно звуками напоминает итальянский, но, к несчастью, представляет большие трудности в изучении, тем более, что не имеет своей особой грамматики и объясняется только с помощью санскритского. Я читаю Урвазию с большим трудом, — но при этом одушевляюсь надеждой скоро после нее взяться за «chef d'oeuvre» индусского театра — знаменитую Сакунталу. Налу теперь жди, когда бог велит — и подумать не могу за него приняться».

Петров возлагает надежды, что «на следующий год приедет сюда из Англии Ленц, обогащенный сведениями в санскритском, и тогда смирися, Индия!» (стр. 241). Если бы сохранились дальнейшие письма Петрова, мы, вероятно, с такой же подробностью, знали бы о его занятиях с Ленцем, как о первых шагах в 1834—1835 г., но едва ли эти занятия были длительными. Ленц, действительно, вернулся в Петербург летом 1835 г., но уже 25 августа 1836 г. умер в возрасте 28 лет³. За все время переписки с Белинским львиную долю востоковедных сообщений Петрова занимают санскрит и вопросы, связанные с индианистикой. Освещение специалистом отдельных затрагиваемых деталей могло бы представить немалый интерес для истории научного развития нашего первого санскритиста, равно как для всего раннего периода нашей индианистики.

¹ Имеются в виду два издания Р. Х. Ленца: «Urwasia fabula Calidasi. Textum sanscriticum edidit...» Berolini, 1833. «Apparatus criticus ad Urwasiam». Berolini, 1834.

² В издании опечатка — Шеза. (в указателе отсутствует). Имеется в виду французский ориенталист А. L. de Chézy (1773—1832).

³ «Русский биографический словарь». (Лабзина — Лященко), стр. 190.

В первые годы своего пребывания в Петербурге Петров, несомненно, оставался «москвичом по душе», как его характеризовал в одном из писем Станкевич¹. Все обращения Петрова к Белинскому полны вопросами и сведениями о московских друзьях. Сравнительно с ними петербургская среда, в которую он вошел, даже востоковедная, отражается гораздо хуже, если не считать названных его учителей. Интерес представляет одно анонимное упоминание, которое, однако, расшифровывается без труда. 22 сентября 1834 г. Петров, между прочим, пишет (стр. 240): «Здесь есть один молодой человек, очень замечательный. Восемнадцати лет он уже знает хорошо по-персидски, чему доказательством служит его перевод «Истории Монголов», за который он получил золотые часы, и очень недурно понимает арабский и турецкий, при знании почти всех европейских языков. Это краса здешнего университета». В характеристике нетрудно узнать ученика Сенковского — В. В. Григорьева (1816—1881), впоследствии первого профессора по кафедре истории Востока, а одно время и декана факультета восточных языков. Тогда он только что кончил курс университета и как раз в 1834 г. напечатал перевод большого отдела о монголах гератского историка Хондемира (XV—XVI вв.)². Именно из материалов В. В. Григорьева и его друга П. С. Савельева мы достаточно хорошо знаем, какое впечатление производил Петров на своих петербургских студенческих товарищей по учению и широкими познаниями и всей научно настроенной углубленностью, выделявшей его даже из среды лиц, избравших аналогичный путь.

В письмах Белинскому уже в эту пору, когда Петрову было всего двадцать лет, отражаются моменты духовных кризисов, которые иногда накладывали отпечаток и на его отзывы о науке. 4 июня 1834 г. он пишет (стр. 226—227): «Представь себе, что несмотря на то, что я занимаюсь в буквальном смысле с утра до вечера, — есть почти всякий день минуты, в которые я не знаю, что с собою делать — свет день от дня становится для меня противнее». Единственный друг, с которым он разделяет свою «задумчивость», это — море, в котором «больше души, нежели в любом жителе Петербурга. К счастью, оно от меня недалеко и я там по вечерам забываю и мир и людей, и

¹ «В. Г. Белинский и его корреспонденты», стр. 250, прим. 5 к письму десятому.

² «История Монголов от древнейших времен до Тамерлана». Перевод с персидского. СПб., 1834, стр. 161. обстоятельная биография В. В. Григорьева составлена его учеником Н. И. Веселовским: «Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам 1816—1881 гг.». СПб., 1887.

даже — науки... Извини, брат, я сделался мизантропом и мечтателем». Даже то письмо от 12 августа, которое сопровождает перевод из Махабхараты, заканчивается сентенциями (стр. 234): «Что такое жить? — Изменяться. А что такое изменяться? — Стремиться к цели. А где цель?... Скучно жить! Голова моя сегодня настоящий предмирный хаос». И через полгода, 24 февраля 1835 г. он пишет (стр. 243) про свое «внутреннее борение, которому я, как и всякий человек, и даже в большей степени, нежели другие, подвержен. Наконец буря утихла — я спокоен и кажется надолго — не смею сказать навсегда».

Пессимистические настроения, однако, и после этого не утихают. В связи с ними, в последнем сохранившемся письме из Петербурга уже в январе 1838 г. он высказывает в очень резкой форме свои взгляды на значение для него научной работы (стр. 246): «Об занятиях толковать нечего — с ослиным терпением можно и воду истолочь в порошок — да только много ли от этого проку? На науку смотрят или как на средство нажиться, или как на средство похвастать перед другими — есть также множество ученых, которые от души верят всяким глупостям, которые они рассказывают или пишут. Эти просто глупы, да и слава богу.— Я смотрю на науку как на ремесло, которому судьба научила меня для того, чтобы снискивать нужное пропитание». Едва ли при таких взглядах Петров отказался бы от очень выгодной «службы» в Константинополе, которую ему предлагали в самом начале пребывания в Петербурге, заявив (стр. 224): «Деньги меня не льстят... я посвящаю себя санскритскому». По всей вероятности, в 1838 г. сказывалось только временное настроение, а не длительная внутренняя уверенность. Психологическая правда звучала скорее тогда, когда он говорил 6 октября 1834 г. (стр. 241—242): «Где бы ни учиться, лишь бы учиться — вот цель моя. Учиться — есть теперь необходимая потребность моего существования. Обстоятельства мне благоприятствуют... Да, брат, человек может быть счастлив, отринув пустые мирские блага, — довольствуясь малым в физических потребностях и ненасытной душой стремясь обнять мир духовный.— Глубок этот океан, но потонуть в нем — божественно, — достойно человека. Даже сухое изучение языков доставляет божественное удовольствие, когда будешь смотреть на него не так, как на механический предмет, но как на живое познание человеческого слова во всех его видах».

Трудно сказать, какие настроения возобладали бы в натуре Петрова, если бы личные условия и вся современная ему действительность в последующие годы складывались иначе, чем

это было возможно в николаевскую эпоху 40—50-х годов. Немалую роль в превращении этого «русского Меццофанти» в «совершенного мизантропа», который, по словам В. В. Григорьева, «ни с кем не знался, никому не доверял», сыграли и свойства его характера, как отмечали иногда очень расположенные к нему друзья молодости¹. Судить обо всем этом нам почти невозможно и приходится только сожалеть, что дошло так мало писем Петрова к Белинскому; вероятно, и в несохранившихся письмах можно было бы найти не меньше данных для характеристики его научного развития и состояния нашего востоковедения в те годы. Выход в свет книги «Белинский и его корреспонденты» показывает, что надежда на дальнейшие находки в этой области еще не потеряна.

¹ Показательны в этом смысле, например, те «примечания редакции», которыми в отделе о Петрове упомянутый уже В. В. Григорьев снабдил книгу своего ученика Н. И. Веселовского «Сведения об официальном преподавании восточных языков в России». СПб., 1879, стр. 140, прим. 445 и стр. 141, прим. 448.